

УДК 902

О.Ю. Зимина

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ*

Рассматриваются проблемы проявления в структуре археологических источников Урало-Сибирского региона социальной организации древнего населения. Выделены несколько аспектов, в которых находит отражение дуальная структура – орнаментальные традиции, планировка поселений, структура могильников. Отмечена поливариантность проявления дуальной структуры в археологических источниках.

Ключевые слова: археология, этнография, социальная организация.

Археологические источники охватывают значительный период времени, но они ориентированы на изучение материальной культуры, в то время как вопросы духовной культуры и социальной организации решаются в археологии в основном на реконструктивном уровне с привлечением стадийно соответствующих этнографических данных. Этнографические источники значительно шире и фиксируют все формы проявления культуры (материальной, духовной, социальной), однако лишь в узком хронологическом срезе, значительно удаленном во времени от археологических эпох [1. С. 5–6]. Отдельные народы вплоть до современности сохраняли архаичные черты в быту, способах ведения хозяйства, культуре, общинных, семейно-брачных и родственных отношениях (матри-/патрилинейность, матри-/патрилокальность, эндогамия/экзогамия, территориальные и генеалогические группы и пр.), что неоднократно являлось предметом пристального внимания многих исследователей [2]. Эти характеристики традиционного общества фигурируют и в палеосоциологических исследованиях Урало-Сибирского региона. Исследователи, ища объяснение тем или иным проявлениям в археологических культурах, апеллируют к этнографическим данным, характеризующим особенности быта и общественного устройства обских угров и самодийцев, что связано с представлением об уходящих глубоко в древность истоках формирования этих народов [2. С. 70, 211–213, 311, 401, 554, 642], хотя, как правило, этническая принадлежность археологических культур, особенно ранних периодов, вызывает по-

лемику. В.И. Молодин полагает, что этногенетические построения возможны не глубже раннего железного века [2. С. 26]. По мнению В.В. Напольских, специфика археологического материала не позволяет установить этнолингвистическую атрибуцию древнего населения [3. С. 179–180]. Тем не менее, если оперировать не отдельно взятыми фактами, а стремиться к выделению «этнографической ситуации» в археологическом памятнике, создавая через посредство связанных между собой культурных элементов «промежуточную модель», можно приблизиться к этнографической модели культуры. При этом должно производиться не просто сравнение, возможно, и сходных, но разделенных во времени и пространстве культурных явлений, отраженных в археологических и этнографических источниках, а тщательное исследование и «заполнение» на теоретическом уровне разделяющих их историко-культурных и этногенетических процессов [1. С. 7–8].

Тематика социальных реконструкций, в том числе и палео-, достаточно обширна. В социальной структуре особо выделяют дуальную организацию – взаимобрачную организацию двух родов/фратрий; в широком смысле это бинарная организация общества и ее отражение в духовной культуре. З.П. Соколова, характеризуя дуально-фратриальную систему хантов, пишет, что она не ограничивалась регуляцией брачных отношений. Это была идеологическая система, связанная не только с представлениями об общем происхождении от одного предка-тотема, кровном родстве, общем культе с проведением фратриальных праздников, но в прошлом харак-

* Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Социальная структура древнего общества (по материалам археологических памятников Урало-Сибирского региона)».

теризовалась компактным расселением членов одной фратрии, наличием фратриальных центров, святилищ, фратриальным именем, дуализмом в представлениях о членах иной фратрии [4. С. 342]. Особенности расселения родов определенных фратрий обских угров отмечены В.Н. Чернецовым. Например, в бассейне одной реки, в верхнем течении селились роды одной фратрии, а в нижнем – другой, либо бассейн одной реки был полностью заселен родами одной фратрии, ведущей свое происхождение от одного предка [5; 6. С. 61–62]. Этнографические материалы свидетельствуют, что дуально-фратриальное деление у западносибирских народов – это следствие миграционных процессов и установления регулируемых брачных связей между аборигенами и пришлыми иноэтничными группами, что связывают с переселением, как правило, экзогамных коллективов – рода или группы родственных родов. В качестве подтверждения приводится предположение о разнотичности двух экзогамных половин обских угров (Пор и Мось), юкагиров и т.д. [7. С. 173–175].

Орнаментальные традиции играют значительную роль в выделении археологических типов/культур/общностей, установлении фактов появления нового населения, а также выделении локальных группировок внутри выделенных общностей/культур. Двухкомпонентность археологических культур иногда рассматривается как отражение дуально-фратриальной структуры рассматриваемых обществ, складывающейся вследствие движения экзогамных групп на чуждую территорию, когда пришлое население вынуждено вступать в брачные связи с местным населением [7. С. 174; 8. С. 66]. По мнению исследователей, процесс взаимодействия пришлого таежного населения (носителей крестово-струйчатой орнаментации) и аборигенного лесостепного лежит в основе формирования культур «гамаюно-молчановского» круга Урало-Сибирского региона на рубеже эпох бронзы – железа (молчановской [7. С. 174], завьяловской [8], гамаюнской [9] и пр.). Т.Н. Троицкая считает, что «появление чужой керамики на какой-либо территории, скорее всего, свидетельствует о появлении здесь изготовителей этой керамики» [10. С. 200]. По ее мнению, в древности посуду изготавливали преимущественно женщины, рядовая посуда не служила предметом обмена, традиции ее лепки и орнаментации сохранялись длительное время, поэтому форма и орнаментация керамики являются четко выраженными маркерами и дают возможность судить об этнокультурной принад-

лежности их изготовителей [10. С. 200]. Миграции таежных групп населения в лесостепную зону Западной Сибири на рубеже I–II тыс. до н.э. были спровоцированы происходящим в таежной зоне изменением режима влажности, повлекшим резкое усиление заболачивания, сокращение пищевых ресурсов [11. С. 18]. По мнению В.А. Борзунова, следствием фратриальной организации зауральских гамаюнских племен является четкое разграничение двух основных типов гамаюнской керамики (ямочно-крестовой и ямочно-волнистой), сформировавшихся в результате взаимодействия пришлого атлымского населения (ямочно-крестовый орнамент) с местным лозьвинским (ямочный, волнисто-прокатанный, гребенчатый орнамент). В дальнейшем экзогамно-фратриальный характер стали носить взаимоотношения гамаюнской и иткульской культур [9. С. 143].

Вопросам переселения этнических групп в различные исторические периоды и их адаптации в среде инокультурного населения посвящена обширная литература. На основании археологических материалов исследователи представляют различные модели взаимодействия местных и пришлых групп населения. В ряде случаев планировка поселений и распределение одновременных, но разнотипных артефактов дают основания для предположений о взаимодействии представителей разных культур на уровне брачных партнеров, как, например, у ненцев и обских угров [12. С. 111; 13. С. 95–97].

В.Т. Ковалева и коллеги обратили внимание на планировку поселений ташковской культуры. Ими были высказаны предположения о том, что круглоплановые поселения условно делились на две половины по сторонам света – восточная – западная; каждая, в свою очередь, еще на две и подобная четырехчастная структура отражала устройство *эндогамной общины с экзогамными половинами*, в каждом секторе могли проживать семьи близких родственников [1. С. 82–83]. В.А. Зах считает, что *дуально-экзогамную организацию* ташковского общества эпохи ранней бронзы позволяет предполагать преобладание посуды с разными орнаментальными традициями – отступающе-прочерченной и гребенчато-ямочной – в разных жилищах и смешение двух традиций [14. С. 240].

В результате масштабных исследований на городище Чича 1 было высказано мнение о том, что в VIII в. до н.э. это укрепленное поселение становится мощным хозяйственно-культурным центром. В его структуре отражена двухмодельная

направленность хозяйственной деятельности, соответствовавшая двум параллельно существовавшим на памятнике крупным этнокультурным группам, вступавшим в кровнородственные отношения: местной позднеирменской со скотоводческо-охотнико-рыболовецкой системой хозяйства и пришлой с запада (Сев. Казахстан) берликовской с доминирующей скотоводческой системой. Помимо этого, в связи с присутствием на памятнике керамики других одновременных инокультурных групп (красноозерской, сузгунской, завьяловской, атлымской, гамаюнской), по мнению исследователей, он мог представлять собой своеобразный центр, обеспечивавший торговые отношения Севера и Юга [18. Т.2. С. 288–289; 16; 17; 19].

Изучая иткульскую культуру переходного времени от бронзы к железу на территории Приобья, мы обратили внимание на особую организацию городища Карагай Аул 1 – оно состояло из двух смыкающихся площадок, и из жилищ, раскопанных на каждой из них, были получены разные керамические комплексы, отражающие местную (баитовскую) и пришлую (иткульскую) традиции [20. С. 157–166]. Нами было высказано предположение о том, что в структуре памятника проявились черты дуальной организации иткульского общества [21. Т.1 С. 118].

На городище Завьялово 5 исследователи полагают, что «...пришедшая группа населения подселилась к аборигенам и проживала вместе с ними в одном поселке. На городище раскопано 8 жилищ, в каждом из них встречены все вышеперечисленные группы керамики. ... памятник отражает... слияние его жителей» [22. С. 117, 120].

В материалах Павлинова городища II–I вв. до н.э. (период саргатско-кашинского взаимодействия) сосуды кашинского типа обнаружены на полу в саргатских постройках, а также присутствуют в погребениях связанного с городищем Сопининского могильника [23. С. 21]. В материалах Туро-Пышминского междуречья отмечена сходная ситуация. На поселении Муллашинские Юрты 7 это выразилось в одновременном функционировании кашинских и саргатских построек [25. С. 96–97]. В кургане 7 могильника Чепкуль 9 под одной насыпью в западной половине размещены саргатские, а в восточной – кашинские погребения. Это позволило высказать предположение, что «...под курганом 7 были погребены представители двух экзогамных групп, являвшихся брачными партнерами: собственно саргатской и, видимо, кашинской...» [24. С. 21].

Т.Н. Троицкая полагает, что дуально-экзогамный характер отражают взаимоотношения представителей кулайской и большереченской культур в Новосибирском Приобье: во II в. до н.э. «...сюда проникла численно значительная экзогамная группа, вынужденная вступить в брачные контакты с большереченским населением. Среди образовавшегося населения были пришлые с севера женщины и местные, каждая со своими традициями ведения домашнего хозяйства. Это особенно ярко сказалось на керамических комплексах, где наряду с типично кулайскими сосудами встречаются и чисто большереченские» [25. С. 45–46]. Т.Н. Троицкая отмечает, что по материалам могильника Каменный Мыс (III – II вв. до н.э.), в кулайских погребениях присутствует керамика кулайской и большереченской культур, либо со смешанными чертами, а в большереченских – присутствует единично. На основании этих наблюдений исследователь приходит к выводу, что «... пришлые кулайцы вступали в брак с местными женщинами, а аборигенные мужчины не были заинтересованы в пришлых женщинах» [9. С. 202].

В обско-угорской мифологии распространены сюжеты противостояния угорских и самодийских групп, например: «По всей Сургутской Оби (на Пиме, Тромъегане, Агане, Сальме, Б. и М. Югане) распространены предания о былых нашествиях северных кочевников... лесные ненцы ... северные люди «в красивых кихах и малицах, приходившие издалека за оленями и женщинами» и «не едящие щуку» [26. С. 102]. Обладание женщинами и оленями являлось признаком власти, с целью захвата которых ненцы совершали набеги, поддерживая свое верховенство. Ненцы часто брали жен в хантыйских селениях, тогда как обратное сочетание в браках было редкостью (знак нормативного превосходства ненцев) [26. С. 101–103].

Следует отметить, что у народов Западной Сибири встречается не только дуальная экзогамия. Например, у селькупов зафиксированы нормы кольцевой связи, которая заключалась в делении племени на три экзогамные брачные группы и заключении браков в строгом соответствии с установленными нормами [27. С. 61]. К.Г. Шаховцев приводит свои возражения, однако они касаются брачных классов и терминологии родства у селькупов, отраженных в гипотезе, предложенной Г.И. Пелих, что, как он сам признает, «...не позволяет сделать однозначный вывод о том, что кольцевая связь в том или ином виде не была реализована у селькупов на практике...» [28. С. 146]. Не исключена вероятность похожих взаимоотношений и в древности,

когда в археологическом комплексе/культуре встречаются не два, а три орнаментальных/культурных компонента. Е.Н. Волков на примере энеолитических байрыкско-лыбаевских комплексов с различным процентным соотношением в орнаментации посуды «короткогребенчатых», «длинногребенчатых» и «отступающе-накольчатых» мотивов выделяет в Притоболье три территориальных центра, обосновывая на основании декора не только хронологические позиции памятников, но и возможные локальные миграции внутри этого массива и *направление брачных связей* [29. С. 111].

Л.А. Чиндина считает, что на материалах релкинской культуры Среднего Приобья VI–IX вв. «...удалось выявить объединения позднеродового типа, этапы их развития, перехода к патриархальным семейным общинам и началу их дробления (патронимии)» [30. С. 13]. Совокупный анализ исследованных релкинских поселений и могильников позволил предложить следующую модель общественных отношений в релкинской культуре, выразившуюся в иерархии: *семья* (и большая и малая в соответствии с размерами исследованных построек); *семейная община* в период сегментации («...большие поселения, типа Малгет 7, с несколькими хозяйственными «гнездами» [31. С. 104]); *группа семейных общин – родоподобные образования* (объединение близких по керамике (на уровне подтипов) и всему комплексу хозяйственно-бытовых и духовных артефактов больших и малых поселений на компактной территории – иначе выделенные микрорайоны), со значительно расшатанными родовыми устоями, что выразилось в сосуществовании на поселениях комплексов с керамикой разного типа. Факт присутствия на территории однородной группы инородных элементов Л.А. Чиндина связывает с нарушением родового принципа и утверждением соседского территориального права [31. С. 103–108].

Приведенные выше археологические факты в настоящий момент выглядят достаточно разрозненно. Это связано с тем, что часть территорий Урало-Сибирского региона недостаточно обследованы, поселенческие и погребальные комплексы многих культур малоизучены, а зачастую могильники просто неизвестны. В решении вопросов отражения в археологических материалах дуально-брачных отношений пришлых и местных коллективов, территориального соседского права, социальной структуры древних обществ разных хронологических периодов с разным числом культурных компонентов и пр., безусловно, требуются дальнейшее накопление

фактов и, насколько это возможно, «объективные» археолого-этнографические сравнения. Тем не менее уже имеющиеся данные могут быть систематизированы и в дальнейшем пополняться, находить свое подтверждение или опровержение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савинов Д.Г. Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 5–8.
2. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с.
3. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 257 с.
4. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
5. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. Т. II. С. 21–42.
6. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.
7. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 244 с.
8. Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1985. С. 54–69.
9. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 188 с.
10. Троицкая Т.Н. Керамика как носитель этнокультурной информации (по материалам Новосибирского Приобья) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 200–202.
11. Львов Ю.А. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 12–18.
12. Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 325 с.
13. Головнев А.В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: ТГПИ, 1988. С. 86–101.
14. Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.
15. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
16. Молодин В.И. Дуальная модель организации историко-культурного пространства на памятнике Чича 1 в Барабинской лесостепи // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 58–67.
17. Молодин В.И. К вопросу о выделении берликовской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2008. С. 78–81.
18. Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от

бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. (Материалы по археологии Сибири). 336 с.

19. Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Синкретичная керамика городища Чича 1 // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Изд.центр ЧелГУ, 2009. С.73–78.

20. Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

21. Зах В.А., Зимина О.Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 2005. Т. 1. С. 112–119.

22. Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамика завьяловского типа в Новосибирском Приобье // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С.115–121.

23. Пантелева С.Е. Хроностратиграфия Павлинова городища (по результатам анализа керамики): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.

25. Чикунова И.Ю. Муллашские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 90–100.

24. Зах В.А. Курган 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 4–21.

25. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 125 с.

26. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.

27. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 156 с.

28. Шаховцов К.Г. К вопросу о выделении брачных классов в системе родства нарымских селькупов // Вестник ТГПУ. 2012. 1 (116). С. 144–148.

29. Волков Е.Н. Хронологические и территориальные индикаторы в орнаментике байрыско-лыбаевской культуры Нижнего Приоболья // III Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2010. С. 110–111.

30. Чиндина Л.А. Проблемы социологических исследований по археологическим источникам // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 11–13.

31. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.